

Здравствуй, братишка!

С тех пор как я получила твоё последнее письмо прошло уже... больше 27-ми лет. В рамках судьбы одного простого человека - это достаточно много. Для нас же с тобой это оказалось вечностью.

Однако давай всё по порядку.

Недавно я затеяла перебрать то, что сегодня зовется макулатурой. Она даюдя была сложена мамой в мешки и составлена в угол, покорно дожидаться своей победной участи.

Среди прочего здесь были сложены старые полетные календари - бесценной кладёзь заметок козёлки; мои институтские тетрадки с лекциями, где на помех юной рукой старательно было введено "МВ".

(Nota bene - «обрати внимание»). Здесь же были и старое, потрепанное книжки, лишённые печатного пароса и лоска, но драгоценные в своё время для наших с тобой юных сердец. «Голова профессора Доуэля» издательства «Советская Россия» и стоившая 40 копеек (помнишь, как мы это шутили, что в советской России голова профессора не стоит и рубля?!). Теперь она распадается на отдельные листочки, как и сам Доуэль. Цвейговские новеллы, одрежённые соседской бабушкой на растопку печи в бане и обнаруженные случайно мною там же, в бане, и я, как тать в ночи, прятала их за пазухой, ибо печь таких шедевров недостойна. И ещё много-много чего лежало в этих мешках: безценное когда-то, но обе-

цененное в современном мире.

„Моя все куда-то спешит, не сердца,
а машины,“ — слышу я из динамика
своего авто строчку модной песенки.
М-да, вот уж с чем точно не поспо-
ришь.

Среди прочего «книжка», мне попалась
папка, раскрыв которую я обошла,
ибо всё, что находилось внутри, я
считала давно-давно утраченным:
вырезки из газет с робко входящими
в тогдашнюю нашу жизнь гороскопа-
ми, открытки с фотографиями ар-
тистов и ... стопка твоих писем,
перевезанная (по всем законам деви-
чьего сердца) розовой ленточкой.

Тогда я не могла, разумеется,
знать, какую несравненную ценность
будут иметь для меня эти письма
в будущем.

26 лет прошло с того момента, когда тебя не стало...

Который уж-ну который-март?!

Разбили нас - как колоду карт.

Эти строчки Марины Цветаевой бьют в самое сердце! Последнее письмо от тебя было в конце марта...

Ты спрашивал меня, как наша домашняя жизнь, как я закончила четверть в школе и не перестала ли я скондит с ума "от всякой ерунды"? (здесь ты, конечно, имели в виду мой острый психоз из-за "Масковского мая", дико популярного в те времена). Ты рассказывал о своих армейских трудностях и невзгодах с такой лёгкостью и юмором, с какой мог бы это сделать только ты: "На прошлой неделе ездил на стрельбище. Поездка мне очень покра-

визна. Погода стояла замечательная: светило солнце, градусник показывал температуру -32°C , дул лёгкий ветерок... От чаши до стрельбища ехало около двух часов, а везли в теплованных грузовиках. Красота-то какая! проветри зимний день в чистом поле!!! (Тот никогда не жауешься, нет! - ты просто и открыто распахиваешь свою душу). Тот жемалем всем не боеть и не грустит. Жмемь руку отцу и поднимь:

"Навекы твой брат Игорь"

Простое чистосердечное мивмо... Жеужем когда-то так общалем люди!! Они встречалем, любилем, провожалем и ждали, и не было никаких лайков и хаков, только буквы и строчки могли тмакать и смелатьсе..., но как бы там ни было они однозна-

чно там же в себе неизмеримое тепло наших сердец!

Милый братец! Я хочу поблагодарить тебя за все эти драгоценные письма, пусть несвоевременно и поздно, но всё равно - спасибо тебе! Злой рок унёс твою жизнь, тебя нет, а твои письма есть.

И каждое письмо - это страничка нашей с тобой жизни. И никакие блага современности - ни мобильная связь, ни скоростной интернет, ни прочая чепуха, не заменят мне этой стопки твоих чистосердечных писем. В них сама наша жизнь, а значит, мы живы.

Навеки твоя сестра Наталья.